

732

26877 -

Валентин Адский

ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

Драма в 2-х действиях.

ВОЛОГДА

1922 г.

Валентин Адский.

ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

Драма в 2-х действиях.

126377
Из жизни крестьянства урожайных и голодающих губерний
в 1921 году.

ВОЛОГОДА.
1922 г.

A-32 + русский

45

Посвящаю сии скорбные строки
Литонине Леонтьевне
Брилович.

Действующие лица:

1. Федосья Сухова—крестьянка голодающей губернии, лет 27-35, худая, в лохмотьях, с грудным ребенком на руках.
2. Коля—ее сын, мальчик лет 10—13.
3. Степан Голодаев—крестьянин лет 60, спутник Суховой.
4. Глеб Хмелев—крестьянин кулачек, лет 15, председатель волисполкома
5. Дмитрий Урожаев—крестьянин-средняк урожайной губернии, лет 40—45.
6. Лукерья—его жена, лет 30—35.
7. Правдин—сосед Урожаева, демобилизованный красноармеец, лет 25—30.
8. Антошна—молодой парень, постоянно с гармоникой в руках.
9. Фрося—молодая девушка, веселая, бойкая.

Мужики, парни и девушки.

Действие происходит в любой, благополучной по урожаю 1921 г., губернии, по соседству с голодающей.

„ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ“.

Драма 2-х действиях.

ДЕЙСТВИЕ Iое.

Настало зимы. Ложбина на опушке леса. Снега еще не видать. Вечер. С левой стороны из лесу выходит Голодаев. Вид измученный, за плечами котомка, в руках палка, которой он, идя, подпирается.

Голодаев. А-у! А-у! Никто не откликается... А-у! А у! Скоро ночь, а деревни еще не видать... Федосья!.. Федосья!.. сюда, идите сюда... (*Оттуда же откуда вышел Голодаев, выбегает Коля. Бледный, худой, тоже оборванный, но аккуратно закутанный в разное тряпье*).

Коля. Дядинька, мамка говорит, что итти дальше не может.

Голодаев. Ах ты, грех какой.. Что же, брат, нам с тобой делать?..

Коля. Дядинька, я ести хочу... Мамка сказывала, что скоро ести будем, а сама все плачет и плачет... и Зинка ревет...

Голодаев. А теперь и ты с ними за компанию собираешься реветь. Да где же ты ее оставил, мамку то свою?..

Коля. Эвон! Там за кустами на пне сидит...

Голодаев. Так вот что. Веди-ка ты ее, парень, сюда. Да сам то не реви. Скоро в деревню придем, да прямо на горячие пироги. Что, чай, слюнки потекли... Ну, ну... потерпи, чай, мужик. Слыши, веди матку сюда, да будь сам то молодцом!.. (*Коля уходит*). Да, дела видно плохи с бабой то!.. Неужто не доберемся сегодня до ночлега... Неуж-ли после стольких дней мытарства по чужим краям, как птичкам божьим, придется ночевать в лесу и медленно умирать от стужи и голода... Эх!.. (*Слева выходит Федосья Сухова и Коля, на руках у Федосьи закутанный в тряпки грудной ребенок*). Сюда! Сюда идите... вот на пенек садись, Федосья...

Федосья. Уснула. Устала реветь бедная моя доченька. Сил нет слушать... Сердце бы вынула и отдала лишь бы не резела. Душа разрывается... (*Пауза*). Грудь иссохла... Молока ни капли нет... Кажись два дня уж ничего не ели... Дядя Степан! А далече ли до деревни то?

Голодаев. Да виши ты какая оказия, надо бы быть деревне, по все 1 видимостям, да дороги не видать... Кричать пробывал-- никто не откликается. Видно в самом деле здесь ночевать придется. А ты,

Федосья, вот что... Возьми-ка вот сухарь у меня припрятан был... Думал сам с'есть, да тебе нужнее. А ты, паречь, что в рев то пустился?..

Коля. Я ести хочу!.. (*Плачет*).

Федосья. Поди, рэдимый, ко мне. Не плачь, Коленька. На, милый, с'ешь сухарик то, а я потерплю. Да и ты, Степан, неча себя морить то, доедай половину.

Голодаев. А сама то что?..

Федосья. Я потерплю. Озябла я, да пить хотца. Жжет вот здесь, под ложечкой...

Голодаев. Вот возьми, укутайся в платок, да потерпи, авось, добредем до ночлега. Ну, пошли что ли дальше?..

Федосья. (*поднимаясь*). Пойдем. Нет, не могу. Силушки нет... Ноги подкашиваются... Оставьте меня... Чует сердце не дойти мне до деревни сегодня... Помру здесь...

Голодаев. Да полно о смерти то толковать. Кажись не для того оставили родную деревню, свой кров, чтобы идти умирать на чужой стороне. Не греши, Федосья. Грех смерть на себя накликать. Да на кого ты ребят то оставишь малых?

Федосья. Деток моих?.. Может найдутся добрые люди не оставят сироток.

Коля. (*плача*). Мамка!..

Федосья. Бедный мой, сыночек, не плачь, родной. Не оставляй и ты сестренку, заботься о ней, коли помру... Ох!.. Для того ли я вас на свет родила, чтобы видеть ваши страдания. Ох!.. Не могу... Не могу больше... (*Рыдает*).

Голодаев. (*В сторону*). А эна в сам деле плоха... С ней далеко не уйдешь... А бросать тоже не годится..

Федосья. Дядя Степан! Подь поближе... Умаялась я, кричать не могу... Худо мне... Видно помру... Дядя Степан, деток то не оставь моих... Доведи до добрых людей, авось, пригреют, приютят.. А меня оставь... Не жилица я... И мешать вам не буду...

Голодаев. Полно, Федосья! Обопрись на меня, да погибоньку и зашагаем... Авось, Господь и доведет... А ты — умру... Смерть, матушка, не любит, когда ее вспоминают...

Федосья. (*Силится подняться*). Нет... Не могу... Силушки совсем не стало... Не утешай, Степан. Деток лучше побереги... Ради их и дом родной оставила. ради их и, помереть не страшно... Лишь бы им лучше было.. Степан Левонтьич, возьми дочку.. и ступайте с Богом... (*передает ребенка*).

Голодаев. Ну, ладно. Давай сюда дочку. Мы пойдем с парнишкой, а ты вот возьми одеяло, укутайся хорошенько... Авось, потерпишь маленько, а мы тем временем дойдем до деревни, да оттуда за тобой и придем.. Ну, Колюшка, идем что ли?

Коля. А мамка? Я без мамки не пойду..

Федосья. Иди, родной, иди... А я подожду... Дойдете до деревни, да за мной и вернетесь... Вернешься. милый?.. А я подожду... (*В слезах*). Ну, ступайте скорее...

Голодаев. Эх!. (*Утирая слезу*). Ну, пошли, парнюга.. Прощай, Федосья. Бог даст еще свидимся, а коли што... Ребятишек я твоих не оставлю... Ну, с Богом, в дорогу... (*Уходят вправо*).

Федосья. Дядя Степан! Коля!.. Поди сюда... Дай благословить тебя на дорогу... Может и забудешь матку свою, может больше не увидимся... Помни, милый, что я тебе сказывала.. Береги сестренку, не давай ее в обиду, а коли выростете, замени ей и отца и мать... Сиротки вы у меня горемычные... Степан Левонтьич! прости и ты меня, коли когда я тебя обидела... Дай-ка девоньку рэдную поцеловать в пэследний раз... Спиг мэя рэдная... Спиг моя бедная доченька... Ох!.. Не могу... Не могу бэльше... Сил нет... Прэщайгэ.. Ступайте скорее... Уходите... Уходите...

Голодаев. Пётрпи, Федосья, чувствую я, что совсем недалече отсюда жилье, укутайся потеплее... и подожди... Счастливо оставаться... (*уходит*). А-у! А-у!.. (*пауза*).

Федосья. (*Судорожно плачет постепенно утихая*). Ушли... Одна... Степан Левонтьич, Коля, Зинушка!.. Как холодно... А на Коле пальтишко такое легкое... Плакал милый... Жалко матки своей... А Зинушка, та ничего не понимает... Кто то ее выкорчит вместо меня... Кто то заменит ей родную мать... Ушли... Оставили... (*пауза*) Горло пересохло... Жжет внутри.. Хоть бы глоток воды испить... Ох!.. Тяжко. Страшно одной... Скоро ночь... Доберутся ли сни... Что такое... Ой!.. Ох!.. Не мсту... Душно... Ужли смерть... Ох!.. (*кричит*) Степан Левонтьич!. Коля!. Зинушка!.. Детки мои... родные... Ох!.. (*падает*).

Занавес медленно опускается.

ДЕЙСТВИЕ II-ое.

До открытия занавеса за сценой слышны звуки гармоники и шум голосов Занавес медленно открывается. Сцена изображает избу зажиточного крестьянина. В переднем углу стол, вдоль стен лавки, в углу люлька. За столом сидят: Урожаев, Хмелев, и еще двое мужиков. На столе бутылка самогонки и четверть пива. Под столом видны пустые бутылки. Все четверо заметно пьяны. На лавке против стола сидит молодой парень ухарски наигрывает на гармонике. вокруг него девушки и несколько парней. В углу сидит Лукерья и прядет. При открытии занавеса посреди избы Фрося, приплясывая, поет

„Раньше гроша не имела.
А теперь есть миллиард.
Потому теперь у дела.
Мой миленок, спекулянт!..“

Хмелев. Молодец, девка, и петь и плясать.. Любою парня за пояс заткнет... Что, Антсшка, небось устал? Ничего!.. Вали, жарь дальше.. Коли гулять так гулять. Так что ли, Митрий Павлыч?..

Урожаев. Знамо дело!.. Чай праздничек сегодня... А самогонки хватит... Я угощаю!.. Дернем еще по стаканчику, что ли?..

Хмелев. Что - ж можно!.. Так зот я и говорю примерно!.. Кто я теперь буду? Я тэгэръ можно сказать, что раньше становой пристав, а может и выше. Захочу пить и пью!.. И кто мне запретит!?

Урожаев. Знамо дело, никто!.. Перво на перво продналоги всякие я сдал, а остальное значит мое что хочу, то и делаю.. Хочу--пиво варю, хочу-- самогонку гоню, а хочу-- продаю...

Хмелев. А главное значит согласие, братство и... тишина .. Тебе, примерно, сколько сдавать нужно было налогу то?..

Урожаев. Чай, знгешь сам... пудов 25 будет...

Хмелев. Ну, а сдал сколько? Десять! А все кто? Я! Я всему голова... Захочу и сокращу... Покажу меньше пашни и баста... Кто мне указать может? Никто! Я душевность понимаю и всегда ценить могу... А коли кто мне перечить будет, так я тому и приписать могу... Пущай вперед знает, как нeуваженье начальству оказывать ..

Урожаев. Н-да!.. А ну-ка, Антошка, жарьни-ка повеселее!..

Хмелев. Правильно... (подходя к жене Урожаева) Лукерья Панкрадтсвна, наша к вам просьба, спой-ка чего нибудь, да позабористей... А мы уваженье понимаем...

Лукерья Вы уж, Глеб Захарыч, у молодых попросите они споют, а меня старуху увольте...

Уронаев. Эй, ты, стерва. Чего ломаешься, коли гость просит!..

Лукерья. (про себя). Гость.. Пьянчуга... Эдаких бы гостей, да мокрой тряпкой по зубам Пьянствуют... Безобразничают... А тоже, уваженье им подавай... .

Уронаев. Ты там чего себе под нос ворчишь?.. А?! Коли сказали спой—значит пой... Я тебе муж, али нет? А коли муж—значит голова, а коли голова—значит—прикажу плясать—пляши!.. А гостя моего я в обиду не дам!..

Хмелев. Брось, ты ее, бабу... Не хочет и не надо... (поет)

„Нет, так не надо, другую найдем“

Уронаев. Нет, ты, Глеб Захарыч, мою натуру не знаешь... У меня порядок, чтобы баба знала свое место... Она не хочет, а я хочу... Потому я голова, и в писаньи это сказано..

Лукерья. В писаньи сказано, что люди—братья, и чтоб они помогали друг другу, а ты только самогонку какинный день жрешь, а небось, крошки не пожертвовал, когда на голодающих собирали... Мол самим жрать нечего... Небось не обеднял бы, коли пуд другой отдал для ребят голодных.. А то писанье!.. Сказано... Душегубцы вы, вот кто!..

Уронаев. Что? Не для твоего ума писанье писано, баба поняла?.. А что не дал, так и не дам.. Врут все, никаких таких голодающих нет.. А коли и есть, так... Наплевать!.. Какое нам дело.. Верно Захарыч? Пущай их, сукины дети, голодают, а мне наплевать... Да, ты что, Захарыч, призадумался?.. Аль обиделся!? Выпьем что ль пивца?

Хмелев. Известное дело. выпьем.. А бабу, ты, свою брось.. Что с ней толковать.. Лучше девок заставим спеть.. Фрося! Подь сюда.

Лукерья. Пьяницы. Пьют... пьют... Хлеба то сколько перепортят, а все утробу не наполнят...

Хмелев. Так что же, Фрося, споем что ли? А ну-ка, затяни, чего нибудь... Позабористей... Так и быть—поцелую.. Али не мил? Небось Антошка куда милей.. Ну так и целуйтесь, черт с вами!.. Антошка, жарь нашинскую.. (Антошка играет. Хмелев, еле держась на ногах, пропадает).

Фрося. (поет)

„Мой миленок дезертир. А я его милая... Самогонки он нагнал.. Вместе с ним пила я!..“	„Ты играй, играй, гармошка. Скоро выйду под венец.. У меня жених Антошка На гармошке прямо спец!..“
--	--

Уронаев. А-й, да девка!.. Глеб Захарыч, выпьем что ли еще?.. Лукерья, подливай в бутылки.. Аль не знаешь своей бабьей обязанности.

Лукерья (Беря пустые бутылки) Хоть бы подавились, проклятые.. Мало вылакали... Еще ноги держат.. Чует сердце—быть беде.. Теперь ни один праздник без покойника не обойдется..(подает полные бутылки) Будет уж на сегодня пить то!..

Урожаев. А ты не рассуждай, коли не спрашивают...

Хмелев. Нет, какова девка то?! (поет) „На гармошке прямо спец..“ А, ну Фрося, хватка еще чего нибудь из нонешних...

Фрося. (поет)

„Самогонкою нажрался
Ванька у Митюхи...
А в Поволжье люди мрут.
Бают, с голодухи...“

Урожаев И пусть мрут, черт с ними .. А мы выпьем... Так что ли я говорю, Глеб Захарыч?..

Хмелев. Знамо дело оставлять не годится...

Урожаев. А гармонисту за старанье тоже надо поднести. Антошка, подъ сюда! Шельмец! На, пей, за уменье!.. Потому хорошо, леший, играешь..

Антошка. Да я, дядя Митрий, не пью

Урожаев. А ты, пей, коли я угощаю.

Хмелев. А я разрешаю!..

Лукерья. Нечего парня неволить, коли не хочет... Сами нажрались и ладно... А парня портить нечего...

Урожаев. Я тебе сказывал, стерва, молчи, а то я...

Лукерья. А то что?.. Ударишь? Бей, коли не жалко! . Душу то, чай, с самогонкой пропил!..

Урожаев. Молчи, говорят!..

Лукерья. Не замолчу!.. Много у меня уж тут накипело... все выскажу...

Урожаев. Не замолчишь, так я тебя, св—чы!.. (Вскакивает)

Антошна. (Загораживая Лукерью). Негодится, Митрий Павлыч, женщин обижать ..

Урожаев. А ты, что за заступник выискался!.. Пусти, тебе говорят!.. (Схватывает со стола нож).

Антошна. Садитесь на место, да положите нож, так я и отпущу!..

Урожаев. Так ты не пускать?! Так вот же тебе сухин сын!.. (Ударяет ножом Антошку, тот с криком падает. Среди молодежи переполох. Мужики удерживают размахивающего ножом Урожаева. Антошку кладут на лавку).

Лукерья. Проклятый. Чуяло сердце... Резал бы за одно и меня... Не люди, а звери лютые ..

Урожаев. А ты не лезь, коли не спрашивают... Потому я голова, что хочу..

Правдин. (Входит). Что случилось? Кто кричал?.. Антошка?. Что с ним?

Фрося. Ножом его Митрий Павлыч ударил...

Правдин. Так что ж вы стоите, как идолы!.. Давайте воды скорей. Тетушка Лукерья, дай-ка полотенце, али тряпку какую!.. (*Лукерья подает полотенце. Фрося воды. Правдин расстегивает рубашку на Антошке, промывает рану и завязывает. Антошка стонет.*)

Правдин. Ничего. Хорошо еще, что сердце не задето, а то капут... Потерпи Антон... Ну, как теперь? Хорошо?! Вот что, снесите-ка его ко мне в избу, потому геперь ему покой нужен, а ты, Фрося, пока побудь около него... (*Молодежь тихо выносит Антошку*). Да, злодно, скажи кто нибудь за милиционером!.. (*Лукерья в углу истерично рыдает. Хмелев, тяжело поднявшись, направляется к двери*).

Правдин. (*Загораживая дорогу Хмелеву*). Погоди!.. Не спеши... Поговорить хочу.. Что нагулялись? Душу человеческую чуть не загубили, а теперь виши, испугался за свою шкуру и бежишь. Низкий трус! Пьянствовать, разгульничать, убивать, ваше дело а как что, так и бежать... Не стыдно, шкурники!.. А ты, Председатель волисполкома, доверенное лицо, представитель народной власти. И в каком виде... Хороший пример для других. Вы вот такие гады, и подрываете авторитет рабоче-крестьянской власти... А ты Дмитрий Павлыч! Не ожидал я от тебя, что ты на старости лет, словно разбойник, в ножевщину пустился.

Урожаев. Не твое дело. Виши какой заступник нашелся!. Я хозяин, я голова.. Говорю не лезь и не лезь... А он меня держать...

Правдин. Да что с вами, с пьяницами разговаривать. Разве вы люди? Разве вы понимаете, какой грех на душу берете портят хлеб на пьяное зелье?. Разве вы не слышали, что в соседней губернии голодают.?!. Разве не знаете, что там без помощи и хлеба десятки, сотни малых детей с голodu умирают... Да, разве вы понимаете, что миллионы людей грызут полузамерзшую глину, едят навозные лепешки, сдирают кору с деревьев... И в то же время, как там миллионы братьев, таких же крестьян, как и вы, обречены на голодную смерть, если к ним не поспешит братская помощь сытых, — вы пишете... И вы братья! Вы люди! Да разве вы сейчас похожи на людей? Скоты вы! Хуже скотов!...

Хмелев. Да ты не очень то фордыбачь... Пусти, коли я говорю... Слыши!..

Правдин. Нет, не пущу. Сейчас милиционер придет... Тогда и поговорим...

Хмелев. А что мне милиционер? Я сам начальство! Прикажу тебя арестовать, и баста...

Правдин. Руки коротки, Глеб Захарыч, как бы самому в Чеку не попасть.

Хмелев. Да, что ты ко мне привязался... Я тебе мальчишка, что ли... Да, ежели я захочу, так, я тебя сукина сына! (*Неожиданный стук в окно. Хмелев испуганно отступает в угол и садится на лавку*)

Правдин. Кто там? (Голос Коли за сценой) «Помогите, Христа ради, голодным. Пустите переночевать».

Лукерья. Заходи. заходи, дверь не закрыта...

Коля. (входя, плачет). Дядинька, помогите дедушку привести, он за двором свалился и сестренка с ним... маленькая...

Лукерья Ах, вы бедные... Погодь-ка я фонарь зажгу. (зажигает фонарь и передает его Правдину, тот с Колей выходит и через минуту возвращается ведя под руку изнемогающего Голодаева, на другой руке несет ребенка. Голодаев садится на место Хмелева... стонет)...

Правдин. На, Лукерья, возьми ребенка покорми, видишь бедный совсем иссох... А ты, парнишка садись к столу и ешь, да сначала маленько... (Коля садится и ест. Лукерья кормит ребенка)

Лукерья. Бедная, горемычная девонька... Ишь как глотает.. так и давится.

Правдин. (Голодаеву) Дедушка, а ты чего хочешь? Поешь?!

Голодаев. (стонет) Испить бы... водицы...

Правдин. Сейчас, дедушка.. На, пей! Только не сразу...

Урожаев. Ишь ты, хозяин какой нашелся, в чужом доме.. распоряжатся...

Правдин. А ты проспись сначала, а потом поговорим... Что, дедушка, лучше?

Голодаев. Спасибо, родной... Прости за просьбу .. Здесь недалече у опушки мать детишек оставили, итти не могла, так вот послать бы за ней... кого...

Лукерья. Ах ты, Господи, как быть то?

Правдин. Я сейчас пошлю за ней молодежь. Они наверно еще п'я деревне гуляют... На лошади кто нибудь и с'ездит... (уходит).

Лукерья (подходя к Голодаеву). А из далеча будете?

Голодаев. Царицынские... Голод заставил бежать... Хлеб нонечи совсем не уродился... Все побрели, кто куда, по чужим сторонам... и я с соседкой, да с ребятами ее, вместе пошли.. Мужа у нее еще на войне убили... Думали, может добрые люди найдутся, не дадут умереть с голоду.. ох!..

Лукерья. Слышите, ироды?!!

Урожаев. А он, может врет.. может все для жалости выдумывает...

Хмельев. А у тебя, милый, документы имеются? Может ты какой дезинтир будешь...

Урожаев. Правильно!.

Лукерья. Постыдились бы вы охальничать.. али совести в вас совсем нет. Что вы к бедному старику привязались?.. Над стариком измываетсяесь. Лучше бы в своей волости смотрели за дезентирами то, Глеб Захарыч, а то нашли дезинтира, да он вам в огцы годится...

Полно грешить!.. И впрямь пошли бы проспались раньше... (*Коля*). А ты чего, паренек, ревешь?..

Коля (плач). Мамка там осталась.. в лесу...

Лукерья. Не плачь, милый. За мамкой твоей поехали, а лучше поешь-ка вот штец горячих... небось наголодался... Дедушка, может и ты поешь?

Голодаев. Спасибо, касатушка... Я не хочу.. Изголодался, а теперь не могу... Видно конец подходит... пожил я.. Думал еще прожить, да видно не суждено... Я что? Я старик... Давно умирать пора, да вот деток жаль... много их деток.. много... много сироток без отца, без матери бродят по свету,—без пристанища... голодные... холодные..

Уроняев. Врет все...

Хмелев. Зчамо дело, врет!.. А ну вас всех к черту... Я вам покажу, кто я такой! Я!.. (*Идет к двери и недоходя сваливается на лавку и остается сидеть*)...

Голодаев. Нет, не вру!.. в жизни своей никогда не врал и теперь греха на душу не возьму... Много их, голодных, каждый день умирают... Гробики маленькие.. некрашеные.. Пухнут и умирают... Глину грызут, навоз едят.. пальцы свои грызут... много их... малые... грудные.. ох, много..

Лукерья (плачущая). Бедные... (*к входящему Правдину*). Ну, что?— Где она?!

Правдин. Привезли ко мне... мергва. Окоченела совсем...

Коля (услышав). Мамка!.. (*плачущая*).

Лукерья (утешая). Полно, милый, не плачь... Пойдем я тебе постелью на палатях... Вот тут раздевайся и ложись... Спи родной!.. Спи!..

Голодаев. Умерла!.. Бедные сиротки... и я не жилец... чувствую, что погибну...

Правдин. Что ты дедушка, вот приляг отдохнуть... Небось устал с дороги той?.. Отдохнешь, а там какнибудь уж устроим..

Голодаев Спасибо, спасибо, родной... Нет... недолго промаюсь... Да вот хотел попросить... Вижу люди вы добрые... не оставьте сироток, нету у них теперь ни отца, ни матери.. малые они... Небось у самих детки есть... Не бросайте сироток, коли погибните... Матери их обещал... не брошу... Да, сам за ней же иду... Вас о том же прошу... Не оставьте... приютите сироток .

Правдин. Да ты, дедушка, не беспокойся. Парнишку я к себе возьму. Пускай растет. Честного человека из него сделаю... А вот с грулной то не знаю как быть?.. придется в ясли отдавать...

Лукерья. Да, нечто я не человек. Пущай девонька у меня остается, вместе с моим Ваняткой рости будет... молока на обеих хватит... Митрий Павлыч, ужли откажешь?..

Уроняев. Да, что же я, по вашему, зверь в сам деле, что ли?.. Пущай на здоровье растет.. Хлеба хватит.. Прокормим...

Лунерья. Спасибо, Митюша...

Правдин. Вот это по братски, по мэему... Давай, брат, руку... Не сердись, что корил давечка..

Урожаев. Сам виноват! Баста! Пить больше не буду. Сколько налогу с меня причиталось. Лукерья.

Лукерья. Двадцать пять пудов.

Урожаев. А отдал десять? а все он (*показывает на Хмелева*) смутил .. окаянный .. Завтра же везу остальные 15 пудиков, а коли еще лишнего окажется в Комиссию свезу... голодным...

Голодаев. Спасибо за сироток... Много их... Всех бы приютить. всех накормить... согреть... Ох. .

Лукерья. (*плачет*) Много, говорит, их сироток .. Кабы каждый то приютил сиротку, да самогонку проклятую гнать бы перестали...

Правдин. Тогда всех голодных можно было бы прокормить до нового урожая.

Голодаев. Много их... опухшие... худые... гробики малые, большие, нетесанные... ох... тяжко... прощайте... глину, навоз едят, пальцы грызут... пухнут... и умирают.. без помощи... без хлеба.. ох.. и я... помру... сиротки... много их... помогите .. голодным.. ох... поделитесь... хлеба... хле...б...а!. (*Некоторое время что то несвязно бредит, затем судорожно вздрагивает и затихает мертвый*).

Правдин Умер!. Бедный старик!..

Лунерья. Пальцы, говорит, грызут... Навоз едят..

Правдин. А в то же время у нас столько лишнего хлеба портят на самогонку .. (*К Хмелеву*). Проснулся, шкурник?. Слышишь, тысячи людей умирают от голода, миллионы малых деток ждут помощи, а здесь вы и вам подобные, именующими себя их братьями спрятавте пир... Пьянствуете, развратничаете... Вы не понимаете, что не пиво, не самогонку вы пьете, а кровь, море крови голодящих братьев. В их крови вы купаетесь. Видишь! Кто виноват, что умер этот несчастный старик, что умерла мать этих сироток? Кто!!! Вы виноваты!.. Вы!.. все, кто оказывается протянуть руку помощи умирающим братьям. Все, кто не откликается на призывы, голодных, и не желает поделиться с ними,—куском хлеба.. вы!.. которые спрятавте пир во время чумы..

ЗАНАВЕС.

Цена 10.000 руб.

Издание Вологодского Губполитпросвета.

Центральная Государственная типография.

Р. В. д. Вологда, 105.

Тираж 3000 экз.